

Бородинское сражение. Падение «большого редута»

Бородинское сражение является наиболее крупным военным столкновением эпохи наполеоновских войн. По масштабам оно сопоставимо только с Ваграмом, но по своим политическим и историческим последствиям значительно превосходит его. Столь значимое событие с неизбежностью породило немало мифов и легенд. Так, во французской историографии в конечном итоге возобладали героизированный вариант картины «битвы при Москве-реке», восходящий к 18-му бюллетеню Великой армииⁱ. Если в XIX в. французские историки смогли предложить ряд строгих, научно-взвешенных работⁱⁱ, то в XX в. они предпочли научному анализу простой пересказ легенд и отказались не только от введения в оборот новых материалов, но и от учета каких-либо исследований, выходящих за рубежомⁱⁱⁱ. Единственным исключением является статья генералов Б.-Ж. Ла Сеньора и Е. Лакомба^{iv}, в которой авторы на основе материалов Бородинской битвы предложили количественный метод выявления степени воздействия главнокомандующего на результативность боя.

Что касается российской историографии, то она также не свободна от искаженных представлений о Бородинском сражении. Несмотря на появление в последние годы ряда статей, предлагающих взвешенный подход к исследованию сражения^v, продолжает доминировать псевдо-патриотическая традиция, сформировавшаяся окончательно в 60—80-е гг. XX в.^{vi}

Немало интересных работ, посвященных теме Бородина, выпустили в 70—90-е гг. англоязычные авторы^{vii}. В отличие от французских и российских историков, они попытались создать более достоверную картину сражения, используя как французские, так и русские материалы. Вместе с тем публикации американских и английских историков оказались чересчур поверхностными; авторы не использовали всей совокупности имеющихся источников, не попытались проверить сведения, в них содержащиеся, и сопоставить между собой.

Мы полагаем, что убедительная картина великой битвы может быть создана только на основе максимально возможного привлечения и сопоставления источников всех уровней, учета достижений национальной историографии и путем реконструкции мельчайших деталей сражения. Наш подход находится в русле того направления исторической науки, которое получило название микроистория, использующего методы Case Studies (во Франции — *Fait divers*). Помимо изучения всей совокупности достоверных материалов и максимального временного и пространственного приближения к объекту исследования, мы одновременно попытались наложить описываемые события на реальную местность (с учетом происшедших почти за 200 лет перемен в ландшафте) и реконструировать быт и тактику действий противников в 1812 г. Большую помощь в этом оказало многолетнее участие в движении военно-исторической реконструкции, имеющее существенные отличия от подобных движений (*re-enactments*) в других странах.

В связи с тем, что наш метод предполагает максимально возможную детализацию событий, мы вынуждены в небольшой статье ограничиться только одним сюжетом, выбрав центральное событие битвы — падение батареи Раевского (во французском варианте — «*grand redoute*»).

Этот холм в центре Бородинского поля давно уже превратился в символ. Для русских упорная оборона батареи Раевского олицетворяет собой любовь к Отечеству и стойкость русского солдата. Для французов подвиг генерала Огюста Коленкура, как вихрь ворвавшегося во главе своих кирасир в укрепление и павшего там, воплощает дерзость и беззаветную храбрость французского воина.

В ходе Бородинского сражения планы Наполеона относительно захвата «большого редута» менялись. Вначале штурм этого укрепления рассматривался только как элемент (причем, не самый первостепенный) главного удара, наносившегося южнее — по Семеновским укреплениям. Однако, когда Семеновские высоты взять не удалось и бой за них пошел с переменным успехом, Наполеон, изменив первоначальный план, приказал вице-королю Италии, командиру 4-го армейского корпуса Е. Богарне захватить

Курганную высоту, где находилась батарея Раевского. По его замыслу, это могло бы помочь войскам, боровшимся за Багратионовы флеши, и позволило бы столкнуть весь русский центр. Первая атака на батарею Раевского, проведенная около 9 часов утра, оказалась слабо подготовленной, не обеспеченной должным перевесом в численности войск (по нашим подсчетам, в дивизиях генералов Морана, Жерара и Брусье, атаковавших батарею, было не более 18 тыс. чел., которым противостояло 15-18 тыс. русской пехоты и 1,5 тыс. кавалерии). Не было должной координации и в действиях Богарне с войсками маршалов Нея и Даву. Русские, поначалу испытавшие шок, быстро смогли организовать контратаку и выбили французов. В отличие от широко бытующей версии в российской и англо-американской историографии, слава в организации русской контратаки принадлежала не одному А. П. Ермолову, начальнику штаба 1-й Западной Армии, но и целому ряду других военачальников. Сама контратака стала не результатом «военного счастья», а вполне осмысленным и неплохим организованным действием.

Подготовка Наполеоном второго удара по «большому реду ту» затянулась в связи с необходимостью обеспечить взаимодействие многих частей и соединений, а также отразить угрозу диверсии русских войск на северном фланге, известной как рейд генералов Платова и Уварова. К двум часам дня, готовясь к генеральному штурму Курганной высоты, Наполеон сосредоточил на этом участке фронта значительные силы, включавшие не только войска Е. Богарне, но и 2-й и 4-й корпуса резервной кавалерии.

Расположение русских и французских войск было следующим. На самой батарее Раевского размещалось не менее 12 тяжелых орудий (число орудий, находившихся в укреплении, в литературе указывается разное — от 12 до 21, имеющиеся материалы не дают возможности установить точное число орудий на батарее Раевского во время последнего штурма). К середине дня бруствера укрепления, эскарпы и контрэскарпы сильно осыпались, палисад, защищавший тыл укрепления, был полуразрушен, рвы наполовину засыпаны землей и трупами погибших во время первой атаки и контратаки «большого редута». Пехотное прикрытие состояло из полков 24-й пех. дивизии генерал-майора П. Г. Лихачева, которые расположились в две линии: в первой линии рядом с самой *батареей с севера на юг* — сводно-гренадерский полк, Томский и Бутырский, во второй *линии, за оврагом ручья Огник с севера на юг* — 19-й и 40-й егерские^{viii}. Остатки 7-го пех. корпуса были либо отведены в тыл, либо, спешно «сбитые» генерал-адъютантом И. В. Васильчиковым, постепенно были передвинуты на левый фланг, освободив место возле батареи другим частям. С 12 часов к юго-востоку от батареи, «en crochet», т. е. загибом, уступами, фронтом на юго-запад, разместились войска 4-го пех. корпуса генерал-лейтенанта А. И. Остермана-Толстого (11-я пех. дивизия слева, 23-я — справа). Рядом с солдатами Остермана была 1-я бригада 4-й пех. дивизии (2-я бригада этой дивизии около 13 часов была отправлена ко 2-му пех. корпусу). Левее Остермана, почти напротив д. Семеновское, встали остатки 12-й пех. дивизии и сводно-гренадерской бригады 5-го пех. корпуса. За левым флангом 4-го пех. корпуса устроились гвардейские полки — Преображенский, Семеновский и часть Финляндского. Севернее Курганной высоты, выгнувшись в направлении д. Горки, была 7-я пех. дивизия. Сразу за пехотными линиями должны были встать 2-й и 3-й кав. корпуса, но к началу штурма батареи они *еще не успели подойти*, и *принуждены были вводиться в бой по частям*. В глубине боевых порядков разместились Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки. Численность русских войск, принявших участие в последнем бое за батарею Раевского, составляла примерно 46 батальонов (исключая остатки 12-й пех. дивизии и сводно-гренадерской бригады 5-го пехотного корпуса, и приняв остатки егерских полков за 2 батальона) и 60 эскадронов. Беря условно в ослабленном батальоне в среднем по 450 чел., а в эскадроне по 100 чел., получаем 27 тыс. пехоты и 6 тыс. кавалерии. Количество русских орудий установить сложно; полагаем, что их было более 2 тыс.^{ix}

Расположение французских войск, особенно 2-го и 4-го резервных кавалерийских корпусов, определить еще сложнее. Как правило, историки ограничиваются условным размещением частей и соединений, слабо соотнося это с

реальным рельефом местности. Вследствие этого реконструкция последующих событий, самого за основу наиболее достоверные сведения и хорошо изучив местность (соотнося современный рельеф с картой французских офицеров Пресса, Шеврие и Реньо, сделанной сразу после сражения на основе инструментальной съемки), полагаем, что выдвижение и размещение французских войск было следующим.

После захвата французами д. Семеновское, т. е. в И час. — начале 12-го, соединения 4-го кав. корпуса стали перемещаться влево. Кирасиры дивизии Лоржа и уланы дивизии Рожнецкого медленно прошли, по словам саксонского офицера Мейерхайма, тысячу шагов, и выстроили здесь свой фронт. Бригада генерала Тильмана была в первой линии — вначале полк Гар дю Кор, за ним — «полк Цастрова», затем — два эскадрона 14-го польского кирасирского полка полковника Малаховского. Во второй линии, метрах в 50—100, — вестфальская бригада из двух кирасирских полков, расположенных в колоннах один за другим. Генерал Лорж находился с вестфальцами. Правее, на некотором расстоянии, выстроились в полковых колоннах уланы Рожнецкого, за которыми был командир корпуса генерал Латур-Мобур со своим штабом. Немного впереди улан находился левый фланг артиллерии 2-го и 4-го кав. корпусов, вытянувшейся в длинную линию^x. Слева и немного сзади 4-го кав. корпуса, в низине Семеновского оврага, стоял 2-й кав. корпус. До полудня этот корпус находился на западном берегу ручья Каменка, примыкая левым флангом к зарослям, а затем, сдвинувшись немного вправо, перешел Каменку и рысью двинулся на север, пройдя «позади другой кавалерии». Остановившись, корпус выстроился фронтом против левого фланга батареи Раевского, имея в первой линии дивизию Ватье, разместившуюся «в небольшой ложине у подножия холма, вершину которого венчал редут», а во второй линии — на открытой местности — дивизию Дефранса^{xi}. Что касается легких кав. бригад (7, 8, 14, 16, 19 и 24-й), то сведения, с помощью которых можно было бы привязать их перемещение к конкретной местности, очень расплывчаты. Можно только предполагать, что, скажем, дивизия Пажоля (7 и 16-я кав. бригады) была на левом фланге 2-го кав. корпуса, а 8, 9, 14 и 24-я передвигались где-то в районе 2-го и 4-го кав. корпусов.

В целом, принимая во внимание, что вдоль нижнего течения Семеновского оврага должны были разместиться эшелонами части дивизий Морана, Жерара, за ними — итальянская гвардия, и до р. Колочь должно было остаться еще достаточное пространство для прохода частей 3-го кав. корпуса генерала Груши, то 2-му кав. корпусу оставался для размещения относительно не большой участок чуть севернее впадения Каменки в Семеновский ручей.

Западнее дивизии Лоржа, у нижнего течения ручья Каменка, расположился Легион Вислы. Впереди северного фланга 2-го кав. корпуса были орудия 3-го кав. корпуса, а севернее 2-го корпуса разместились пехота Богарне. Южный фланг заняла 3-я пех. дивизия генерала Жерара. В первой линии был 21-й линейный и два батальона 12-го легкого полка. «Я построил на крыльях по батальонному каре, — писал Жерар в рапорте, — все остальные были развернуты, чтобы противопоставить неприятелю больше огня». Во второй линии в качестве резерва был 7-й легкий полк и три ослабленных батальона 12-го легкого полка. С левого фланга к Жерару примыкали части 1-й пех. дивизии Морана. Полагаем, что в первую линию был поставлен 17-й линейный, менее всего пострадавший во время предшествующего штурма (вскоре он первым из войск Морана окажется у батареи Раевского), во вторую линию — 13-й легкий и, наконец, где-то в тылу были жалкие остатки 30-го линейного, почти истребленного во время первой атаки Курганной высоты. К северо-востоку, тылом к р. Колочь, заняли позицию полки 14-й пех. дивизии генерала Брусье. Полагаем, что с правого фланга дивизии был 9-й линейный, затем — 35-й линейный. Второй линией шли четыре батальона 53-го линейного, а где-то в тылу располагались два батальона 18-го легкого и два батальона испанского полка Жозефа-Наполеона^{xii}. С тылу армейские дивизии вице-короля «подпирались» пехотой итальянской королевской гвардии. Сам Богарне, ближе к 3-м часам пополудни, перешел Колочь и после отдачи соответствующих распоряжений, разместился рядом с 9-м линейным полком.

За солдатами Морана и Брусье, вдоль Колочи, вытянулись колонны 3-го кав. корпуса генерала Груши. В голове, «подпирая» своими рядами тылы пехоты, были развернуты полки 3-й легко-кав. дивизии генерала Шастеля. За кавалеристами Шастеля стояла 6-я дивизия тяжелой кавалерии генерала Лагуссе. Где-то в тылу была 12-я легко-кав. бригада Гюйона. Часть кавалерии Шастеля уже давно, поддерживая пехоту, перешла Семёновский ручей и, двигаясь вдоль Колочи, оказалась на левом фланге дивизии Брусье^{xiii}.

Какова была численность французских войск, сосредоточенных для атаки редута? Принимая во внимание потери, понесенные частями ранее, можем говорить о 20 тыс. пехоты (ослабленные дивизии Морана, Жерара и Брусье — 15 тыс., итальянская пешая гвардия — 2 тыс., Легион Вислы — 2 тыс.) и 10 тыс. кавалерии (3-й кав. корпус вместе с бригадой Гюйона — 3,5 тыс., 2-й кав. корпус вместе с дивизией Мурье — 4 тыс., 4-й кав. корпус — 2 тыс., кавалерия 8-го вестфальского пех. корпуса — 500 чел.). Число артиллерийских орудий — примерно 200 (138 орудий войск Богарне, исключая полковую артиллерию тех частей, которые были на левом берегу Колочи; 12 орудий 4-го кав. корпуса, 29 орудий 2-го кав. корпуса, 24 орудия батареи Фуше). Хотя количество русских орудий, вероятно, превосходило французские, но действия наполеоновской артиллерии оказались более эффективными: она действовала концентрически, с трех сторон, анфилируя русские порядки.

Курганная высота теперь представляла собой выступ в русском фронте, далеко выдававшийся вперед, и конечно, была обречена. Защита ее с неизбежностью вызывала огромные потери. Но русское командование продолжало за нее цепляться, пытаясь, во-первых, сохранить единственную точку опоры русского фронта к югу от Новой Московской дороги, а во-вторых, опасаясь тех морально-психологических последствий для войск, которые с неизбежностью имели бы место в случае сдачи Курганной высоты без боя. Неся огромные потери, русская артиллерия все же пыталась энергично действовать, сосредоточив свой огонь в основном против резервной французской кавалерии. «Огонь усилился, — вспоминал начальник артиллерии 3-го кав. корпуса полковник Л. Гриуа, — ядра, пули, гранаты и картечь обрушились дождем со всех сторон и стали прокладывать большие бреши в нашей кавалерии, которая в течение многих часов оставалась без движения и вне укрытия. Равнина была покрыта ранеными людьми, которые пробирались к амбулансам, и лошадьми без всадников, которые в беспорядке носились. Я обратил внимание на кирасирский вюртембергский полк, на который ядра, казалось, особенно падали; каски и кирасы разлетались вдребезги повсюду»^{xiv}. «Кавалерия наша стояла... поражаемая огнем, не предпринимая каких-либо действий. Свистящие снаряды были подобны осеннему ветру... Град снарядов вырывал из рядов людей и лошадей; бреши заполнялись новыми солдатами, которые вставали на место своих павших товарищей», — повествует полковник Малаховский, чьи два эскадрона 14-го польского кирасирского полка находились в рядах бригады генерала Лоржа 4-го кав. корпуса. Голодные солдаты Малаховского молча сидели на конях, напряженно ожидая смерти или команды к атаке^{xv}. Впереди польских кирасир стояли два полка саксонской тяжелой кавалерии. Местность совершенно не позволяла им укрыться, и они в полной мере испытали на себе вначале действие гранат, а затем пушечных ядер, посылаемых с «большого редута».

Генерал Тильман, командовавший этими саксонскими полками и солдатами Малаховского, вначале находился на правом фланге стоявшего впереди саксонского полка Гардю Кор. Вскоре под ним убило лошадь, затем погиб его адъютант граф фон Сайдвиц. Это ожидание под огнем было теперь столь напряженным и расшатывавшим нервы, что Тильман даже «сорвался» и наговорил грубостей командиру корпуса генералу Латур-Мобуру^{xvi}. Тяжелые потери понесли от огня 2-й и 3-й кав. корпуса и пехота Е. Богарне.

С 11 до 3-х часов дня, еще до последнего штурма Курганной высоты, французская кавалерия предприняла ряд атак. Проходили они нерешительно, как бы «прощупывая» русскую линию. Еще до полудня бригада легкой кавалерии Бермана атаковала русские войска южнее Курганной высоты (вероятно, солдат 4-й пех. дивизии Е. Вюртембергского), но была отбита и бросилась назад, преследуемая русской кавалерией (вероятно, драгунами из 2-й бригады К.А. Крейца 3-го кав. корпуса). Всадники Бермана в беспорядке

понеслись на левый фланг легко-кавалерийской дивизии Пажоля. Увидев это, Пажоль бросился в середину убегающих, частью смог их остановить и «быстро привел в чувство генерала Бермана, приказав ему возобновить атаку». Всадники Бермана, развернувшись, контратаковали русских драгун. Артиллеристы 2-го кав. корпуса под командованием полковника Серюзье оказали серьезную поддержку^{xvii}. Русская кавалерия отступила, но затем вновь двинулась вперед, угрожая новой атакой. Пажоль, который внимательно наблюдал за этими передвижениями, был готов отдать приказ своей кавалерии об атаке. Однако маршал Мюрат, который также видел приближение русской кавалерии, приказал Пажолю не двигаться вперед, но дать возможность пройти атаке тяжелой кавалерии 2-го корпуса. Судя по воспоминаниям лейтенанта Био, адъютанта Пажоля, вперед двинулись два полка карабинеров при поддержке трех эскадронов улан. Французская тяжелая кавалерия, вероятно, вначале отбросила русских драгун, но затем, столкнувшись с прочно стоявшей пехотой, смешалась и отступила^{xviii}.

Когда примерно в 10.30 в ставке Наполеона узнали о тяжелом ранении генерала Монбрена, командира 2-го кав. корпуса, император, бросив взгляд на свиту, стоявшую сзади и заметив Огюста Коленкура, команданта Главной квартиры и брата обер-штабмейстера, бывшего посла в России Армана Коленкура, подошел к нему и передал командование корпусом. «Действуйте, как Вы действовали при Арсобиспо», сказал ему император, напомнив эпизод войны в Испании 8 августа 1809 г., когда Коленкур с отрядом драгун переправился вброд через р. Тагус и атаковал силы герцога Альбукерского с тыла, захватив укрепленный мост. Начальник генерального штаба маршал Бертье здесь же подготовил письменный приказ, а О. Коленкур подошел к своему брату, пожал ему руку и сказал: «Дело столь жаркое, что я не надеюсь увидеть тебя снова. Мы одержим победу, или я буду убит». Огюст быстро ускакал, сопровождаемый своим адъютантом, а его брат остался с тяжелым чувством приближавшегося несчастья^{xix}.

Трудно сказать с определенностью, имел ли в виду Наполеон, упоминая об Арсобиспо, план взятия «большого редута» кавалерией с тыла. Скорее всего, фраза, сказанная императором О. Коленкуру, была позже просто домыслена обер-штабмейстером. Однако очевидно, что имея 10 тыс. боеспособной кавалерии, и только около 20 тыс. пехоты, которые можно было использовать для взятия «большого редута», император неминуемо должен был отдать главную роль своим всадникам.

Нередко в мемуарах и литературе встречается утверждение о том, будто Наполеон лично, на местности, разработал дерзкий план взятия «большого редута» во время посещения им позиций у Семеновского оврага^{xx}. Конечно, это не так. Император поехал к передовым линиям только после падения батареи Раевского и лично, разумеется, не вникал во все детали подготовки знаменитой атаки на Курганную высоту. Он потребовал только, чтобы на этот раз была достигнута четкая координация в действиях пехоты вице-короля и кавалерии Мюрата. Конкретный план атаки редута был, вероятно, разработан Мюратом и его штабом в лице начальника штаба генерала Бельяра. На это указывают адъютант маршала Бертье полковник Лежен, генерал-адъютант Рапп, бригадный генерал Сегюр; об этом свидетельствует и рапорт самого Мюрата и воспоминания Гриуа. Судя по всему, и Коленкуру, и Латур-Мобуру было приказано нанести удар по русской линии как можно ближе к южному флангу редута и, отеснив неприятеля, атаковать с фланга сам «большой редут». Согласно версии Раппа, в случае неудачи кавалерия должна была возвратиться «тем же путем», под прикрытием французских орудий^{xxi}.

Очень трудно доподлинно восстановить, предлагал ли Мюрат Коленкуру и Латур-Мобуру броситься на редут с тыла, через горжу (тыльный проход), либо штурмовать укрепление прямо с бруствера, который уже совершенно осыпался, либо, что скорее всего, предложил действовать, исходя из обстоятельств. Очевидно только, что и кавалерия, и ее начальники, были готовы как можно быстрее броситься в атаку на этот злосчастный редут, нежели продолжать и дальше стоять под русскими снарядами. «Я буду там живым или мертвым», — ответил, согласно версии Сегюра, Коленкур Мюрату. Американский историк К. Кэйт

даже полагают, будто О. Коленкур, пребывая из-за своих ран в таком меланхолическом настроении, совершенно не верил в успех атаки и просто искал смерти, смиренно дав себя убить^{xxii}. Такая версия представляется нам чрезмерно романтизированной. Она противоречит тому, как решительно и уверенно вел себя Коленкур в качестве командира кавалерийского корпуса^{xxiii}.

Огюст Коленкур, ведя в бой своих кирасиров, был в этой атаке убит. Смерть генерала, славного воина и человека, оплакивали многие. Сразу после боя командование собиралось даже поручить главному хирургу Д.-Ж. Ларрею забальзамировать сердце Коленкура, но, видимо, в конце концов, отказалось от этой мысли. Мюрат, готовя 9 сентября рапорт о Бородинской битве, представил Коленкура главным героем взятия Курганной высоты, который «опрокинул все, что ему противостояло; и оказавшись в обходе большого редута слева, свернул вовнутрь, и с 5-м кирасирским полком ударил и опрокинул врага. Этот храбрый генерал, — писал Мюрат, — героически погиб на самом редуте, который сохранял до подхода войск дивизии Жерара». 18-й бюллетень Великой армии, помеченный 10-м сентября, также особо остановился на подвиге Коленкура, героически погибшего «справа редута у горжи» во главе 5-го кирасирского полка. Вместе с тем, бюллетень писал и о 4-м кав. корпусе, «который проник в бреши, сделанные нашими орудиями в массах русских и в эскадронах их кирасир»^{xxiv}. Но вскоре в мемуарах и первых французских работах о 1812 г. останется только подвиг Коленкура. Об этом напишут генералы Водонкур и Бертезен, секретарь Наполеона Фэн и инспектор смотров в кабинете маршала Бертье Денье, генералы Сегюр и Рапп; и многие другие. История о Коленкуре и славных кирасирах 5-го полка, которые захватили редут, «перебив гарнизоны палашами», станет обязательным эпизодом в воспоминаниях и работах участников сражения. В 1823 г. Ж. Шамбрэ, участник Бородинского сражения и военный историк, опубликовавший лучшее французское исследование о битве при Москве-реке, развил этот сюжет^{xxv}. Отныне версия о захвате батареи Раевского кирасирами Коленкура была освящена историографической традицией. Все последующие французские авторы уже без сомнений описывали этот эпизод^{xxvi}.

Тем не менее, помимо «официальной французской версии» захвата «большого редута», существуют, по меньшей мере, еще две версии. Одна из них — «саксонская» — формировалась постепенно. Появление ее относится к началу 20-х гг. XIX в., когда вышли работы Церрини (в годы войны капитана Генерального штаба саксонской армии)^{xxvii}. Из них следовало, что батареи Раевского завладели саксонцы бригады Тильмана. Тот же вывод следовал из воспоминаний младшего лейтенанта из корпуса Латур-Мобура Буркерсроды^{xxviii}.

В 1856 г. генерал Рот фон Шрекенштайн, в 1812 г. младший лейтенант «полка Цастрова» и ординарец Тильмана, опубликовал обширную работу, написанную специально с целью опровергнуть французскую версию взятия Курганной высоты. Сопоставляя собственные воспоминания с вышедшими к тому времени иными материалами, Рот фон Шрекенштайн пришел к выводу, что атака дивизии Ватье, которая завершилась смертью Коленкура, была совершенно неудачной. Причем, автор утверждал, что атака была направлена на северный фланг батареи, а не на южный, как традиционно полагали. На южном склоне, считал Шрекенштайн, серьезной борьбы с русской пехотой, от пуль которой и погиб Коленкур, не было^{xxix}. Из книги однозначно следовало, что батарея была взята исключительно саксонцами. Автор, не скрывая обиды и возмущения, писал о том, как немецкие герои были несправедливо забыты французским командованием, приписавшим всю славу кирасирам Коленкура. Выводы Шрекенштайна подтверждались воспоминаниями других немецких участников сражения, и закреплялись в литературе^{xxx}. Однако после I мировой войны немецкие исследователи в целом потеряли интерес к тематике 1812 г., и более вопрос о славе покорителей «большого редута» уже не поднимался.

Основными сторонниками и популяризаторами «саксонской версии» в XX в. стали англо-американские авторы. В работе о Бородинском сражении, вышедшей в 1973 г., англичанин Ч. Даффи целиком воспроизвел схему Рот фон Шрекенштайна. Поместив 2-й кав. корпус прямо напротив Курганной высоты, Даффи направил его в атаку на северный фланг люнета, а 4-й корпус — на

южный. Роль Коленкура Даффи низвел до роли простого «командира бригады дивизии Ватье». С тех пор, вслед за Даффи, эту версию в более или менее подробном варианте, пересказывали американцы К. Кэйт, Р. К. Рьен, Ж. Нафziger и англоязычный автор П. Бриттен Остин. Пожалуй, только А. Палмер и Д. Чандлер, которые не пытались вникать в частности, склоняются к «французской версии»^{xxxii}.

Российская историография Бородинского сражения, несмотря на широкую известность «французской версии» и уважение к славной смерти Коленкура, нередко предпочитала отдавать пальму первенства отнюдь не французским, а саксонским кавалеристам^{xxxiii}. Склонялся к «саксонской версии» и крупнейший польский историк 1812 г. М. Кукель. Однако, получив в период польско-французского военного сотрудничества уникальную возможность основательно поработать в парижских архивах, Кукель предпочел не затрагивать того, что составляло для французов предмет национальной военной гордости^{xxxiii}.

Между тем существует еще третья версия захвата Курганной высоты. Она связывает захват батареи исключительно с войсками Богарне. Об этом писали начальник эскадрона Фезенсак, служивший адъютантом у Бертье, обер-лейтенант Шлотов, адъютант генерала Прейзинга, генерал из дивизии Брусье Л. Альмерас и другие^{xxxiv}. Наиболее последовательно эта третья версия представлена в воспоминаниях исполнявшего обязанности старшего адъютанта 6-го конно-егерского полка из дивизии Шастеля Ж. А. Хенкенса. Картина, нарисованная им, выглядит следующим образом. Корпус Коленкура, который шел на редут в первой линии, был атакован на его подступах русской кавалерией; французские карабинеры, шедшие на правом фланге 2-го корпуса, вынуждены были «броситься на эту кавалерию, и кирасиры в одиночку подъехали к большому редуту, который не смогли взять». Именно тогда кавалерия Груши, шедшая во второй линии, пошла вперед и «удержала большой редут, несмотря на огонь, который русская артиллерия тотчас же направила на него. Мы не покинули его до тех пор, — продолжает Хенкенс, — пока пехота вице-короля не заполнила его»^{xxxv}. Кому же принадлежала честь покорения «большого редута»? Как могли происходить события в действительности?

К двум часам пехота вице-короля, выслан впереди масс пехоты застрельщиков, медленно продвигалась к «большому редуту», все более ощущая на себе действие русских батарей. Наконец, где-то в начале третьего часа Мюрат отдает приказ резервной кавалерии атаковать русский редут. Первой двинулась дивизия Ватье, имея впереди 5-й либо 8-й кирасирский полк, а в последней линии — 10-й. Не обращая внимания на залпы картечи, кавалерийская масса достигла южного фланга люнета и разделилась. Часть всадников пыталась — через полузасыпанный ров и полу обвалившийся эскарп, а некоторые через южный проход в палисаде, — ворваться в укрепление; другая группа кавалеристов ока залась в тылу укрепления, возле полуразрушенного палисада, щетно стремясь сбросить стоявшую там пехоту в овраг ручья Огник. Несмотря на отчаянное сопротивление артиллеристов и пехотного прикрытия, некоторым кирасирам 5-го и 8-го полков удалось таки ворваться на батарею. (Примерно через час-полтора их трудно увидеть там польский офицер Г. Брандт из Легиона Вислы.) Те всадники, которые боролись рядом с укреплением и пытались расстроить пех. батальоны, были отбиты. Те, кто был с восточной стороны редута, попали под огонь, как полагал русский историк А. П. Скугаревский, солдат Ширванского и Уфимского полков, а оказавшиеся южнее — Бутырского и правофланговых полков 4-го пех. корпуса. Сам Коленкур, вероятно, так и не попал в редут, а был убит (по одной версии — ружейной пулей, по другой — картечной, в грудь ниже сердца) «справа редута у горжи», как гласил 18-й бюллетень. Рядом с повалившимся с лошади генералом оказался его адъютант лейтенант Вольбер, который позаботился о том, чтобы вынести тело своего начальника из пекла.

Весь бой продолжался недолго, минут 15; кирасиры не смогли захватить редут и отбросить стоявшие рядом пех. батальоны. Расстроенные массы кавалерии отхлынули назад. Куда именно они отступили — совершенно неизвестно. В разгаре страшного побоища, когда сам редут и вся местность вокруг оказались затянутыми плотным дымом, а набежавший ветер поднял еще и

густые облака пыли, вряд ли кто-то мог это проследить. Воспоминаний кавалеристов дивизии Ватье, практически, не сохранилось. В рапорте же Мюрата вообще никто из этой дивизии даже не был упомянут! Карабинеры дивизии Дефранса, также входившей во 2-й кав. корпус, которые собрали свои воспоминания, с нескрываемым удивлением отметили этот факт^{xxxvi}. Свидетельствует ли он о том, что Неаполитанский король был недоволен результатами атаки дивизии? Возможно. Однако потери полков дивизии Ватье односторонне свидетельствуют об их активном участии в бою, особенно 8-го и 5-го кирасирских (в 8-м выбыло из строя 16 офицеров; в 5-м — 10, в 10-м — 5; во 2-м шассерном — тоже 5), и вполне сопоставимы с потерями 1-го и 2-го карабинерных полков дивизии Дефранса (выбыло из строя соответственно 11 и 9 офицеров)^{xxxvii}, бывшими до позднего вечера в сражении.

Были ли жертвы солдат Ватье напрасными? Отнюдь нет. Из многочисленных, хотя нередко и романтизированных описаний очевидцев атаки Коленкуром Курганной высоты (Пеле, Лабома, Гриуа, Лежена и др.), с неизменностью следует один вполне достоверный вывод: «вулкан потух». Гарнизон редута и некоторые войска, стоявшие вокруг, оказались парализованными. Им нужно было время, чтобы оправиться от столь неожиданной и дерзкой атаки кирасир. Как раз в это мгновение на батарею обрушился второй удар. «Внезапно вражеские батареи замолчали, — вспоминал саксонский офицер фон Ляйсних из 3-го кав. корпуса, — дым и пыль развеялись; свет осветил равнину. Я увидел тогда много численные полки кавалерии (в их числе два саксонских), бросившись против батарей редута...»^{xxxviii}

Бой за Курганную высоту был еще в самом разгаре, когда к Наполеону стали прибывать офицеры с сообщениями о смерти О. Коленкура. Одним из первых, сообщивших об этом, был Вольбер, адъютант генерала, который, по словам очевидца капитана Б. Кастелана, плакал. Тело умершего Коленкура все еще было где-то возле редута, где чуть позже Брандт увидел, как его уносили, завернув «в кирасирский плащ, весь покрытый огромными красными пятнами». Когда Вольбер прибыл в ставку, Арман Коленкур был рядом с императором. «Нет надобности говорить, что я при этом почувствовал», — лаконично сообщит он позже в своих мемуарах. «Он умер смертью храбрых, решив исход сражения, — сказал император. — Франция потеряла одного из лучших своих офицеров». «Вы услышали печальную новость, — продолжал Наполеон, обращаясь к обер-штабмейстеру, — удалитесь в мою палатку». А. Коленкур «ничего не ответил, а лишь слегка приподнял шляпу в знак благодарности за предложение императора и отказался им воспользоваться»^{xxxix}.

Где-то в начале третьего часа французский штаб-офицер передал генералу Тильману приказ взять редут. Генерал тотчас же поскакал галопом к середине строя полка Гардю Кор и передал слова приказа майору Лоффельхольцу. И тот, и другой недоуме вали, что же именно приказано было атаковать. Редут? Он был еще довольно далеко и, главное, почти не виден. Майор переспросил: «Где неприятель? Что, разве мы должны произвести настоящую атаку?» Все же Тильман немедленно бросил свои полки вперед. Первым пошел к редуту Гардю Кор, ведомый ротмистром Сенфт фон Пилсахом, затем — «полк Цастрова», вместе с которым был сам Тильман и, наконец, два эскадрона польских кирасир во главе с полковником Малаховским. Вслед за бригадой Тильмана двинулись вестфальские кирасиры^{xl}.

Хотя полки Тильмана и стояли друг за другом, но они не формировали единой колонны, и направление движения их оказалось разным. Несколько забывая влево, точно на редут шел только Гардю Кор. Он и испытал на себе действие последних оружейных выстрелов угасшего «вулкана». В ста шагах от батареи обер-лейтенант фон Саймиц и лейтенанты фон Ватцдорф и фон Тилау были поражены картечью и нашли свою смерть^{xli}. Наконец, когда оставшиеся в живых достигли редута, группа кирасир во главе с адъютантом Тильмана фон Минквицем бросила своих лошадей через полусасыпанный ров и через разбитый выстрелами бруствер прямо на батарею. Другая группа солдат Гардю Кор,

которая не смогла сразу «перелететь» через ров, попыталась сдвинуть это снова, а часть — устремилась в проход, сделанный в палисаде на южной стороне люнета. Показания очевидцев из числа саксонцев расходятся: одни вспоминали, что в укреплении было немало пехоты, встретившей их штыками, другие, — что пехоты почти не было и все пространство внутри редута занимала артиллерийская прислуга, третьи припоминали, что гарнизон редута быстро стал выходить через оставшийся свободным северный проход^{xliii}. Вероятно, пехоты в самом укреплении было довольно немного, и неравный бой с саксонскими кирасирами, с «настоящими центаврами», приняли русские артиллеристы. В памяти Рот фон Шрекенштайна, который появлялся в укреплении дважды (первый раз, когда бой там еще шел, второй — уже на следующий день), запечатлелся один русский офицер («у которого, как я помню, был орден Анны»), защищавший свою пушку, стоявшую в середине, и который под ней «успокоился»^{xliii}. Русские смогли вывести через северный проход и спасти несколько орудий (историки иногда пишут о шести). Оставшиеся орудия были все с поломанными или совершенно разбитыми лафетами. Две броненосные пушки Шрекенштайн видел у северного прохода из укрепления (их, вероятно, не успели вывести), и одну — «внизу направо за врагом».

Почти невозможно воспроизвести словами картину страшной бойни, происходившей в редуте. В памяти же участников запечатлелось, как кони и люди, атаковавшие и защищавшие, совершенно перемешались. Они рубили, стреляли, рвали и душили друг друга. Передние ряды всадников отбрасывались назад, задние ряды напирали, усиливая и без того невероятную давку. Многие враги, сцепившись друг с другом, вместе падали в ров, продолжая бороться и там^{xliv}. Трудно сказать, сколько именно всадников во главе с ротмистром Сенфт фон Пилсахом и Минквицем смогли втиснуться в укрепление; кроме них там были и отдельные офицеры и солдаты «полка Цастрова», чуть позже бросившиеся в этот ад, и даже, чего не исключает Минквиц, несколько французских кирасир. Столь же трудно сказать, сколько времени продолжалась эта нечеловеческая борьба — возможно минут 15, о которых выжившие в этой мясорубке вспоминали как о вечности.

Борьба в редуте еще не закончилась, когда на бруствере появилась французская пехота. Что это был за полк? По крайней мере, три полка претендуют на то, чтобы считаться, наряду с кавалеристами, покорителями редута. Особенно часто фигурирует в этом качестве 9-й линейный. Основой для этого является «Историческая справка» о действиях полка, хранящаяся в Архиве исторической службы французской армии, а также анонимный рукописный журнал его действий в Национальном архиве Франции^{xlv}. Перед тем как идти в атаку солдаты 9-го линейного услышали обращенное к ним напоминание вице-короля о их славных действиях при Ваграме. Три батальона полка появились на редуте как раз в тот момент, когда кавалерия рубила гарнизон своими палашами. Оставшиеся в люнете орудия и убеленный сединами генерал Лихачев, бросившийся на штыки 9-го линейного, оказались в их руках. После того как редут был уже покорен, 9-й выстроился в боевом порядке по другую сторону укрепления. Как бы ни были убедительны сведения о 9-м линейном, следует признать, что рядом с ним столь же храбро сражались 35-й и, особенно, 21-й полки. Нередко упоминается и 17-й полк^{xlvi}. Что же касается пленения генерала Лихачева, то его, вероятно, вырвал из рук рассвирепевших солдат и «спас ему жизнь против его воли» командир батальона Дель Фанте, из штаба вице-короля.

Овладев редутом, пехота попыталась продвинуться дальше, но сделать этого ей не удалось. Кавалерия Великой армии также не смогла развить успех. В течение полутора часов, бросаясь в беспрерывные атаки и контратаки на русскую пехоту и кавалерию, стоявшую на плато за редутом, кавалеристы Наполеона, обессиленные и понесшие огромные потери, были вынуждены отказаться от надежд не только опрокинуть русские войска, но и заставить их освободить оспариваемое плато.

Кавалерийский бой за редутом был еще в самом разгаре, когда Наполеон

посчитал возможным позавтракать — съесть немного хлеба и выпить стакан неразбавленного красного вина. Когда завтрак только что был закончен, к Наполеону подвели группу пленных, человек 15, среди которых был больной генерал Лихачев. Чудом оставшийся в живых на «большом редуте», он был отправлен вместе с другими пленными, захваченными там, к императору. Сопровождал его адъютант Богарне полковник Асселин. Наполеон, довольный взятием редута и «подарком» вице-короля, благосклонно поговорил с пленным генералом несколько минут и, желая закончить столь великий день театральным жестом, приказал возвратить Лихачеву шпагу. Однако старый генерал ответил отказом, мотая головой и повторяя «нет, нет». Наполеон был удивлен «нетактичностью генерала», а польский офицер Р. Солтык, переводивший разговор, попытался сгладить ситуацию, объяснив, что это шпага не генерала, а его адъютанта. Пренебрежитель но улыбнувшись, Наполеон отдал шпагу обратно французскому адъютанту, который ее принес, и жестом приказал увести генерала. Полковник Лежен услышал, как император, обратившись к свите, «сказал настолько громко, чтобы тот слышал: "Уведите этого глупца"». (Этот знаменитый эпизод описывают по-разному. Так, по Коленкуру, Наполеон отдал Лихачеву свою шпагу, и тот ее взял с благодарностью; то же произошло по Пеле, но только сразу после часу дня. Солтык, который, без сомнения, был при разговоре императора с Лихачевым, пытался дать свое объяснение отказу генерала: у него, дескать, была шпага за храбрость, которой «он не хотел меняться со своим адъютантом»^{xlvii}.)

После разговора с русским генералом Наполеоном овладело заметное беспокойство. «...Ему казалось непонятным, — писал Коленкур, — как могло случиться, что захвачено так мало плен ных, когда редуты были взяты с такой стремительностью и окру жены были со всех сторон кавалерией неаполитанского короля. Он выразил неудовольствие по этому поводу и задал в связи с этим очень много вопросов. Он не скрывал, что желает других результатов и надеется на них. "Мы выиграем сражение, — ска зал он, — русские будут разбиты, но дело не будет завершено, если у меня не окажется плен ных". Император казался озабочен ным»^{xlviii}.

Примерно в 4 часа пополудни император отправляется в ре когносцировку, желая лично увидеть результаты сражения и ре шить важнейший вопрос: «следует ли атаковать, сломить новую линию русских» (Пеле), бросив для этого гвардию в огонь, либо удовлетвориться достигнутыми результатами. Отъехав от Пелевардинского редута, император пересек Каменский овраг, двигаясь в направлении флешей. Посетив их и д.Семеновское, на что ушло, по мнению Пеле, значительное время, Наполеон где-то в районе 5 часов прибыл к Курганной высоте. Отсюда он обозрел отступив шие на километр русские порядки и энергично действующие со стороны Горок батареи. «Наполеон, — отмечал Пеле, — хотел прорвать русскую армию, преследовать ее по пятам, чтобы довер шить ее разрушение. Для этого нужно было взять последнее укрепление, этот горкинский редут, который, поддерживая оборону Псаревского оврага, брал в тыл всю местность, лежавшую между селом и редутом кирасир»^{xlix}.

Проехав, вероятно, немного севернее от редута, и оставив поза ди себя многочисленный штаб, Наполеон, используя заросли и перелески, попытался приблизиться к русским позициям у Горок. Где-то здесь, возле леска, обстреливаемого русскими, и состоялось историческое решение не посылать гвардию вперед. Наполеон, по-видимому, все же хотел это сделать, но под впечатлением уви денного и под влиянием уговоров маршалов Бертье и Бесьера отказался от первоначального намерения.

В 5-м часу вечера французские линии в последний раз попы тались продвинуться вперед, напирая на русские части восточнее д. Семеновское и Курганной высоты, но безрезультатно. Скопле ния русских войск, их нежелание отступать далее и продолжав шийся интенсивный огонь русских орудий создали у французов впечатление о готовящейся неприятельской контратаке. Поэтому император отправляет вперед еще остававшуюся нетронутой часть гвардейской артиллерии с целью «разбить» русские массы.

Около 20.00, в сумерках, когда большая часть французской пехоты и кавалерии отошла от Курганной высоты в тыл, через Горкинский овраг стали медленно продвигаться группы русских солдат. Они были отбиты Легионом Вислы, остававшимся охранять редут¹. Несмотря на неудачу этой вылазки, главнокомандующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай де Толли поручил генералу от инфантерии М. А. Милорадовичу «перед рассветом снова взять курган, противу центра лежащий, несколькими батальонами и артиллериею»ⁱⁱ. Поступивший ночью приказ Кутузова об отступлении заставил Барклая де Толли отказаться от этого намерения.

Подведем итоги. В битве за Курганную высоту воины как одной, так и другой стороны показали себя в тот день в равной степени достойно. Что касается славы взятия «большого редута», то вряд ли возможно отдать ее либо только кирасирам Коленкура, либо только саксонцам Тильмана, либо солдатам Богарне.

И все же, несмотря на героизм и самопожертвование атакующих, взятие редута не решило главную задачу, стоявшую перед Наполеоном — расстроить и разбить русские войска. Перед началом сражения, отказавшись от идеи глубокого обхода, в ходе которого русская армия могла бы отойти, император избрал фронтальный характер боя, ставя главной целью не отбросить, а разгромить русскую армию. Ценою больших жертв, окончательно расстроив резервную кавалерию и использовав часть гвардии, он захватил Курганную высоту в центре, но так и не смог разбить русские линии и выйти на Московскую дорогу. Русская армия отодвинулась, сохранив за собой главную коммуникационную артерию.

Итак, если вначале Бородинского сражения захват «большого редута» рассматривался Наполеоном только как элемент (причем, не самый первостепенный) главного удара, то позже редут превратился в основной объект атаки. К этому времени Наполеон мог располагать для атаки высоты только 20 тыс. пехоты; поэтому и пришлось задействовать массы резервной конницы, чем, кстати, можно объяснить то необычное использование тяжелой кавалерии, которая была брошена штурмовать редуты. Наполеон так и не смог сосредоточить у Курганной высоты силы и средства, которые превосходили бы возможности противника. Успех был достигнут, главным образом, заметным перевесом в кавалерии и более удачным использованием артиллерийских орудий, которые вели концентрический и анфилирующий огонь по русским порядкам. Но развить этот успех Наполеон был уже не в состоянии. Кавалерийские атаки к востоку от высоты, без решительной поддержки пехоты, оказались малоэффективными. Оставляла желать лучшего и роль главнокомандующего, который был призван обеспечить планомерность и слаженность действий французских войск. Высокой координации удалось достигнуть только к 2-м часам дня, что, в конечном итоге, и обеспечило Наполеону успех, но успех частный. «Мы были не довольны, суждения наши были суровы», — так писал о настроениях в Генеральном штабе французской армии после сражения полковник Лежен.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Dix-huitieme bulletin // Bulletins officiels de la Grande Armee. Campagne de Russie et de Saxe. Paris, 1821. P. 99-104.

ⁱⁱ Chambray G. Histoire de l'expedition de Russie. T. 1 — 2. Paris, 1823. Все ссылки на 2-й том 3-го трехтомного издания 1838 г.; Pelet J.-J. — J. Bataille de la Moskova // Spectateur militaire. VIII. 1829-1830.

ⁱⁱⁱ см., Например: Madelin L. Histoire de Consulat et de l'Empire. T. 12. Paris, 1949; Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969; Blond G. La Grande Armee. 1804 — 1815. Paris, 1979; Tranie/, Carmigniani J.-C. La campagne de Russie. Paris, 1981; etc.

^{iv} La Seigneur B.-J., Lacombe E. La valeur du commandement: reexemple de la Moskova // Revue historique des armes. 1990. Vol. 181. P. 64-72.

- ^v *Васильев А.А.* Луковая цифра авантюриста. Потери подлинные и придуманные // *Родина*. 1992. № 6-7; *Васильев А.А. Ивченко Л.Л.* Девять на двенадцать, или повесть о том, как некто перевёл часовую стрелку // Там же; *Васильев А.А.* Французские карабинеры при Бородино // *Цейхгауз*. № 4-6; *Попов А.И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; *Он же.* Боевые действия в центре Бородинского поля // *Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы*. Бородино, 1997; *Он же.* Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Самара, 1997; и др.
- ^{vi} *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962; *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974; Бородино. 1812 год. М., 1987; и др.
- ^{vii} *Chandler D.C.* The Campaigns of Napoleon. L., 1967; *Idem*, Borodino // *On the Napoleonic Wars*. L., 1994. P.192-204; *Duffy C.* Borodino. Napoleon against Russia, 1812. L., 1972; *Cate C.* The War of the Two Emperors. The duel between Napoleon and Alexander: Russia, 1812. N.Y., 1985; *Nafziger C.* Napoleon's Invasion of Russia. Novato CA, 1988; *Riehn R.K.* 1812. Napoleon's Russian Campaign. N.Y., 1990; *Britten Austin P.* The March on Moscow. L., 1993.
- ^{viii} *Ермолов А.П.* Записки. М., 1991. С. 192-195; *Рапорт А.П. Ермолова // Бородино. Документы, письма, воспоминания*. М., 1962. С. 171-172; *Донесение М.И. Кутузова Александру I // Там же*. С. 140; *Рапорт Н.Н. Раевского // Там же*. С. 162; *Скугаревский А.П.* Бородино. СПб., 1912. С. 72; и др.
- ^{ix} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16.. Спб., 1910. С. 117; *Донесение М. И. Кутузова...* С. 139; *Рапорт М. Б. Барклая де Толли // Бородино. Документы, письма, воспоминания*. С. 175; *Бутурлин Д. П.* Картина нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 2. СПб., 1824. С. 281-282; *Скугаревский А. П.* Указ. соч. С. 56-57, 72; и др.
- ^x *Roth von Schreckenstein.* Die Kavallerie in der Schlacht an der Moskau. Munster, 1856. S.84—85; *Meerheim R.* Erlebuisse eines Veteranen der Grossen Armee... in Russland, 1812. Dresden, 1860. S. 94—96; *Minckwitz A.* Die Brigade Thielmann in dem Feldzuge von 1812 in Russland. Dresden, 1879. S.10; *Ditfurth M.* Die Schlacht bei Borodino am 7 September 1812. Marburg, 1887. S.95; *Попов А.И.* Между двух «вулканов»... С. 44, 49; и др.
- ^{xi} *Le Manuscrit des carabiniers // Revue de cavalerie*. Paris; Nancy, 1894. P. 209; *Seruzier T.-J.-J.* Memoires militaires. Paris, 1894. P. 211; *Попов А.И.* Между двух «вулканов»... С. 44, 49; и др.
- ^{xii} *Рапорт Богарнё. 10 сентября 1812 г. // Bulletins officiels...* P. 133; *Рапорт Жерара // Орёл*. 1991. С. 15; и др.
- ^{xiii} *Criois L.* Memoires du general Griois. T.2. Paris, 1909. P. 36—37; *Crunwald C.* La Campagne de Russie. 1812. Paris, 1963. P. 150; *Holzhausen P.* Die Deutschen in Russland. Berlin, 1912. S.98; *Combe.* Memoires. Paris, 1853. P. 79-80; *Menckens / L.* Memoires. La Haye, 1910. P. 128; etc.
- ^{xiv} *Criois L.* Op. cit. P.36. Гриуа ошибается; вюртембергского кирасирского полка не было. Были два вестфальских, находившихся в 4-м кавалерийском корпусе, которые действительно в это время подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Хотя ряд неточностей имеется и в последующих строках Гриуа, общая картина, им нарисованная, вполне достоверна.
- ^{xv} *Malachowski S.* Pamietniki. Poznan, 1885. Str.106.
- ^{xvi} *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S.85-86; 88. Anm.55; Anm.56; S. 89, 92—94. См. так же: *Holzhausen P.* Op. cit. S.97. В книге Рот фон Шреккенштайна имеется целый ряд неточностей, и его сведения нуждаются в дополнительной проверке.
- ^{xvii} *Pajol, general en chef.* T. 3 Paris, 1874. P. 43-44; *Biot H.-L.* Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901. P. 35; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P. 211. Несмотря на то, что Серюзье был пьян в день сражения, мы склонны думать, что какие-то проблески правды в его мемуарах всё же есть.
- ^{xviii} *Pajol...* P. 44; *Biot H.-L.* Op. cit. P.36-37; *Schehl K.* Mit der Grossen Armee 1812. Dusseldorf, 1912. S. 68.
- ^{xix} *Caulaincourt A.-A.-L.* Memoires. T. 1. Paris, 1933. P. 426; *Bausset L.-F.-J.* Memoires anecdotiques... T. 2. Bruxelles, 1827. P. 94; etc.
- ^{xx} *Ditfurth M.* Op. cit. S.101-102; *Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P.213; etc.
- ^{xxi} *Rapp J.* Memoires. Paris, 1823. P. 206. См так же: *Taiotce: Seruzier T.-J.-J.* Op. cit. P. 213.
- ^{xxii} *Gate C.* Op. cit. P.246.
- ^{xxiii} См., например: *Dennie P.-P.* Itineraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812. Paris, 1842. P. 76; *Coie.net J.-R.* The note-books of capitain Coignet. London,

---

1928. P. 224.

^{xxiv} *Bulletins officiels...* P. 128, 103.

^{xxv} *Chambray C.* Op. cit. P. 70-71.

^{xxvi} *Thiry J.* Op.cit. P. 148-149; *Blond C.* Op. cit. P. 344; *Tranie J., Carmigniani J.-C.* Op. cit. P. 163; etc.

^{xxvii} [*Cerrini*]. Die Feldzuge der Sachen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; *Idem*, Bruchstücke, die Mitwirkung der kgl. Sachsischen Kurassier-Brigade bei der Schlacht an der Moskwa // *Oesterreichische militärische Zeitschrift*. 1824. Bd. 4. Hft. 11. S. 378-384.

^{xxviii} *Burkersroda.* Die Sachen in Russland. Naumburg, 1846. S.10.

^{xxix} *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S.101. Anm.64.

^{xxx} *Meerheim R.* Op. cit. S. 99, 104-105; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 14; *Ditfurth M.* Op. cit. S. 104-106; *Holzhausen P.* Op. cit. S. 100-102.

^{xxxi} *Duffy C.* Op. cit. P.125-126, 128; *Gate C.* op. cit. P.247; *Rhien R.K.* Op. cit. P.252-253; *Nafziger C.* Op. cit. P.246; *Britten Austin P.* Op. cit. P. 303; *Palmer A.* *Napoleon in Russia.* London, 1967. P. 126; *Chandler D.* *Borodino.* P. 201-202.

^{xxxii} *Бутурлин Д. П.* Указ. соч. С. 282—283; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 2. 2-е. изд. СПб., 1840. С. 263; *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т.2. СПб., 1859. С. 210; *Геруа А. В.* *Бородино.* СПб., 1912. С. 56—57; *Скугаревский А.П'.* Указ. соч. С. 73; *Тарле Е.В.* *Нашествие Наполеона на Россию.* 1812 год. М., 1992. С. 144.

^{xxxiii} *Kukiel M.* *Wojna 1812 roku.* Т.2. Krakow, 1937. Str.194-195.

^{xxxiv} *Fezensac M.* *The Russian Campaign, 1812.* Athens, 1970. P. 32; *Fabry L.-C.* *Campagne de Russie (1812).* Т.3. Paris, 1901. Annex. P. 195; *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie.* Ser.3. Notes et documents. Paris, 1912. P. 326; etc.

^{xxxv} *Henckens J.L.* Op. cit. P. 128.

^{xxxvi} *Le Manuscrit de carabiniers.* P. 213.

^{xxxvii} *Martinien A.* *Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les Guerres de l'Empire.* 1805 — 1815. Paris, 1899. P. 518 — 519, 526, 529-530, 532, 582.

^{xxxviii} *Crunwald C.* Op. cit. P.150.

^{xxxix} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P.426~428; *Castellane V.-F.-B.* *Journal.* Т. 1. Paris, 1895. P. 150.

^{xl} *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S.93-94; *Meerheim R.* Op. cit. S. 97-99; *Minckwitz A.* Op. cit. S.12.

^{xli} *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S. 95.

^{xlii} *Ibid.* S. 96. Anm. 61; S. 98. Anm. 62; *Meerheim R.* Op.cit. P. 100-101; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 13.

^{xliii} *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S. 98. Об этом убитом русском офицере пишут и другие мемуаристы. Но не исключено, что этот образ, появившийся в воспоминаниях капитана Е.Лабома (*Labaume E.* *A circumstantial narrative of the Campaign in Russia.* London, 1814. P.138), стал затем «кочевать» по другим мемуарам.

^{xliv} *Holzhausen P.* Op. cit. S.99-101; *Meerheim R.* Op. cit, S.99-101; *Minckwitz A.* Op. cit. S. 12-13; *Roth von Schreckenstein.* Op. cit. S.98; *Burkersroda.* Op. cit. S.10; etc.

^{xliv} *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 158-160; *Labaume E.* Op. cit. P. 138; etc.

^{xlvi} *Рапорт Богарнэ.* P.133; *Chuquet A.* Op. cit. Ser.3. P.326; *Рапорт Жерара;* *Le Manuscrit de carabiniers.* P.210—213; *Vaudoncourt F.-F.-G.* *Memoires pour servir a l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812.* Т. 1. Londres, 1815. P. 185; etc.

^{xlvii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 427; *Lejeune L.-F.* *Memoires du general Lejeune.* Paris, 1895. P. 215-216; *Soltyk R.* *Napoleon en 1812.* Paris, 1836. P. 242; *Labaume E.* Op. cit. P.139; *Coignet /.-R.* Op. cit. P. 225. Лихачев был отправлен во Францию, но в декабре 1812 г. был освобожден в Кенигсберге русскими войсками. Подорванное здоровье и лишения привели его через пять месяцев к смерти.

^{xlviii} *Caulaincourt A.-A.-L.* Op. cit. P. 427-428.

^{xliv} *Пеле Ж.* *Бородинское сражение // Чтения в императорском обществе истории и древностей*

российских. 1872. Кн. 1. М., 1872, С. 86—87.

¹ *Chiquet A.* Op. cit. Ser. 2. P. 43; *Кутузов М.И.* Сб. документов. Т. 4. Ч. 1. М., 1955. С. 377, 396-398.

ⁱⁱ Бородино. Документы... С. 177.